

**Новые исследования о Николае Спафарии
и значении культурных традиций
Румынских княжеств на христианском Востоке:
дополнения, замечания, наблюдения***

В 2009 г. в Румынии были опубликованы 2 новые книги, содержание которых касается истории и культуры России. Первая — сборник статей по материалам двух научных конференций, проведенных под эгидой Института исследований Юго-Восточной Европы и Библиотеки Метрополитана Бухареста. Тема одной из них — распространение книгопечатания в румынских государствах и их роль в развитии типографского дела на христианском Востоке, тема другой — многогранная дипломатическая, научная и переводческая деятельность выдающегося ученого, богослова и дипломата-интеллектуала XVII в., значительную часть своей жизни посвятившего службе русским царям, Николая Спафария (Милеску). Во 2-й книге, написанной румынской исследовательницей Замфирой Михаил, личность Николая Спафария рассмотрена сквозь призму его рукописного наследия. Особое внимание к изучению истории книгопечатания и рукописной традиции в румынских землях в последние годы было связано со значимым юбилеем — 500-летием появления в Валахии 1-й типографии и публикации в 1508 г. 1-го печатного Служебника на славянском языке.

Взаимодополняющие статьи сборника позволяют понять, какое огромное значение сыграли Валахия и Молдавия в развитии книгопечатного дела в XVII–XIX вв. Особый интерес исследованиям о распространении книгопечатания, прежде всего богослужбной и церковной полемической литературы, придает то, что оно анализируется авторами в связи с политическими проектами своего времени. Т. Теотеой проанализировал предисловия к изданиям, напечатанным в румынских землях в XVI–XVII вв., в которых определяется важное значение книг и распространения книгопечатания в деле ук-

* Impact de l'imprimerie et rayonnement intellectuel des Pays Roumains. București: Editura Biblioteca Bucureștilor, 2009. 238 p. (Institut des Etudes Sud-est Européennes. Biblioteca de studii și cercetări Sud-Est Europene / Bibliothèque des études et recherches Sud-est européennes, I); *Mihail Z. Nicolae le Spathaire Milesco è travers ses manuscrits*. București: Editura Academiei Române, 2009. 178 p.

репления православия. Особый интерес представляет статья А. Пиппиди о роли типографов из Румынских княжеств в распространении книгопечатания на грузинском языке. Исследователь обращается к известной и важной фигуре, связывающей Валахию с грузинскими землями, каковой являлся Анфим Иверский (Антим Иверянул) — монах-типограф, ставший митрополитом Унгро-Влахийским. Именно он отправил к правителю Картли Вахтангу VI «унгро-валаха» Михаила Стефановича (Степановича, Степанова). Типограф доставил из Бухареста в Тбилиси отлитый в Валахии типографский первый грузинский шрифт, что позволило с 1709 г. приступить к печатанию книг на грузинском языке. Впрочем, 1-я публикация стихотворного эпиграфа на румынском языке, напечатанная грузинскими буквами, была сделана не в 1883 г., как указал Пиппиди (*Impact de l'imprimerie...* С. 25–26), а несколькими годами ранее. В 1873 г. занимавшийся описанием грузинских древностей Д. Бакрадзе в Кутаиси у своего знакомого князя С. Абашидзе увидел печатный литургический сборник на грузинском языке, напечатанный в 1710 г. Заинтересовавшись этой редкостью, он опубликовал имеющиеся в нем записи царевича Вахтанга VI и «венгро-валаха» Михаила Стефановича, «типографщика», пытавшегося в соответствии с намерением правителя возместить недостаток церковных книг у грузинского духовенства. Бакрадзе привел (латиницей) и текст того румынского шестистишия, в котором Михаил Стефанович пишет о завершении своего труда, сравнивая чувства книгопечатника, окончившего работу, с мечтами странника о родном крае¹. Л. Бакалович предположила, что Михаил Стефанович был греком, хотя сам он называл себя «унгро-валахом».

Дополнением к известиям о путешествиях Михаила Стефановича в Россию и Амстердам, приведенным Пиппиди, могут стать документы РГАДА, где сохранилось «дело по челобитью грека Михайла Степанова об отпуске его в Астрахань» 1714 г.² Речь идет о возвращении грузинского первопечатника из Амстердама³, куда «торговый грек Михаил типограф, которой приезжал к царю меретинскому»⁴, ездил через Москву. Проезжая через русскую столицу в 1712 г., он оставил здесь своего «челядника» «грузинца» Николая Влагова, пытавшегося в июле того же года выехать из России назад «в Персиду»⁵. В документах Посольского приказа Михаил Стефанович назван греком, видимо, в связи с его принадлежностью к говорящим по-гречески представителям единой в глазах москвичей общности — православным христианского Востока.

Еще один любопытный факт: в 1655 г. знаменитый архимандрит Дионисий Ивирит, называвшийся в русских документах «унгро-валахом» и «греком», приехал в Россию в сопровождении некоего «слушки монастырского Мишки Степанова»⁶. Дионисий, привезший вместе с другими афонитами печатные книги и рукописи для никоновской богослужебной реформы, был опытным типографом, принявшим активное участие и в работе Московского Печатного двора в качестве книжного справщика. Мишка же Степанов, представленный вначале как «слушка», уже как «волошанин Михайло Стефанов Стоянов» преподнес царю мощи св. вмч. Иореста и получил 30 рублей для

своей обители — Никольского монастыря в Галаце⁷. Дионисий Ивирит и его спутники, таким образом, лишь приехав в Москву, решились назвать молодого служку представителем привилегированного монастыря.

Дионисий Ивирит, судя по одной из его челобитных, был связан и с некой «грузинской царицей», подарившей ему «полоненика Микулайка», для которого он просил кормовую дачу⁸. Все эти примечательные детали — связи Дионисия с грузинскими землями (естественные, впрочем, для архимандрита грузинского Иверского афонского монастыря), его опытность в типографском деле и, видимо, молодость «церковного слушки» Михаила Стефановича — позволяют сделать осторожное предположение о возможном тождестве «волошенина» с грузинским первопечатником. Михаил Стефанович в начале следующего столетия еще мог быть жив, став пожилым и опытным мастером, имеющим опыт типографской работы, который он начал приобретать в качестве юного помощника Дионисия Ивирита. Если эта гипотеза (пока нуждающаяся в серьезной проверке) окажется справедлива, то биография грузинского первопечатника получит весьма интересное дополнение.

А. Пишпиди подчеркивает, что распространение книгопечатания в грузинских землях теснейшим образом связано с усилиями Иерусалимских Патриархов, направленными на развитие типографского дела в Восточной и Юго-Восточной Европе. Покровительство румынских господарей Иерусалимской Церкви и Святогробскому братству способствовало тому, что именно в Валахии и Молдавии, в «преклоненных» Святому Гробу монастырях, появились наиболее важные центры книгопечатания. Оттуда благодаря специалистам, способным печатать книги на разных языках, печатное дело распространялось по христианскому Востоку. Полемическая направленность публикаций на греческом языке была лишь одним из аспектов борьбы за святые места Иерусалимских первосвятителей Досифея и Хрисанфа, питавших надежды на переход Иерусалима в руки православного государя и уверенных в необходимости противостояния восточного христианства не только Порте, но и европейскому гегемону — Габсбургам (*Impact de l'imprimerie...* С. 38–39). Пропаганда православия в противовес иным христианским конфессиям, таким образом, являлась основой и для политических проектов, которые вынашивались Иерусалимской кафедрой и которые, в конечном счете, привели Россию на Кавказ.

Неудивительно, что тогда же, в начале XVIII столетия, благодаря типографам из Румынских княжеств и присылке шрифтов из Валахии в Алеппо были изданы и первые книги на арабском языке (1706–1711 гг.). Раздел сборника о деятельности тесно связанного с Анфимом Ивирианулом Антиохийского Патриарха Афанасия IV Даббаса и его преемника Сильвестра по изданию арабских богослужебных книг написала И. Феодоров. Исследовательница отмечает особую роль покровительства со стороны румынских господарей этим святителям и подчеркивает значение развития книгопечатания на арабском языке в самих Румынских княжествах, в таких центрах как Снагов, Бухарест, позже монастырь св. Саввы в Яссах. В статье затронуты важные вопросы изучения тождества шрифтов и соответственно перемещения типографий,

развития связей между издателями, распространения публикуемых книг на христианском Востоке, каталогизации сохранившихся изданий⁹.

Несколько публикаций сборника посвящено развитию книгопечатания на разных языках в XIX — начале XX в. Албанцы-эпироты, составлявшие влиятельную группу населения румынских государств уже в XVI–XVII вв. и входившие в политическую и экономическую элиту княжеств, в XIX столетии, особенно после провозглашения Албании независимым государством, активно способствовали культурному развитию своей формирующейся нации. Книгопечатание, создание шрифтов, публикация переводов на албанский язык рассмотрены в статье К. Вэтэшеску. Развитие типографского дела, создание частных типографий, распространение светской литературы и школьных учебников играло важную роль в создании интеллектуальных элит разных этнических групп (особенно болгар и албанцев, как это показали К. Вэтэшеску и Е. Сиупиур). Проникновение в общество новых идей (в том числе и идеи «нации») способствовало его модернизации и было тесно связано с формированием в это время национальных государств (В. Блинда). Распространение книг, таким образом, развивалось параллельно политическим изменениям, будучи зависимым от них, но одновременно являясь их важной составной частью.

Неудивительно, что многоплановая культурная деятельность на территории румынских княжеств в XVII в. выдвинула такую выдающуюся фигуру ученого общеевропейского масштаба, каким был Николай Спафарий. Энциклопедически образованный дипломат, богослов, переводчик, историк, географ, математик, Николай Спафарий широко пользовался при создании своих сочинений новейшими западными изданиями, приобретая их во время своих дипломатических поездок за рубеж вначале на службе у молдавского господаря, а позже на службе у русских царей. В издании материалов конференции широко представлены исследования, посвященные богословским и историческим сочинениям Николая Спафария (А. и В. Ешану, З. Михаил), особенно его представлениям о государственности и смене монархий и осуществлении древних пророчеств. Разумеется, наибольшее внимание привлекало и привлекает самое знаменитое из сочинений Николая Спафария — «Описание Китая», написанное во время поездки с царским посольством ко двору манчжурского императора. Источниками этого труда послужили новые тогда издания (прежде всего «Атлас» Мартино Мартини), дополненные собственными наблюдениями автора (статьи Д. Думбравэ, К. Велкулеску, особенно же отечественных исследовательниц О. А. Белобровой и М. А. Моминой, первыми приступивших к источниковедческому анализу сочинений Николая Спафария).

Основной акцент на изучении политических и богословских теорий в сочинениях Николая Спафария сделан в книге З. Михаил, уделившей особое внимание источникам, из которых ученый заимствовал использованные в его произведениях образы, цитаты, аллюзии. Анализ творчества Николая Спафария во время его службы в Посольском приказе в Москве свидетельствует о том, что русские власти пригласили его на службу как высококвалифицированного

«идеолога», способного формулировать концепции, которые были необходимы для создания нового, отвечающего западным образцам «образа власти» в Московии, превращающейся в европейскую монархию. Именно этим задачам должны были служить и интерпретация пророчеств, включенных в структуру исторического знания, и сложная, но понятная в барочной Европе система символов и эмблем.

Представляется, что дальнейшие исследования творческого наследия и документов, относящихся к жизни Николая Спафария, непременно должны продолжить разработку того интереснейшего вопроса, который был поставлен Пипшиди в отношении развития книгопечатания: каким образом Николай Спафарий и его деятельность в России были связаны с планами Иерусалимского Патриарха? Значение Иерусалимской кафедры и влияние ее превоиерархов на международную дипломатию в Восточной и Юго-Восточной Европе в XVII — начале XVIII в. сложно переоценить. З. Михаил подчеркивает, что именно Иерусалимский Патриарх Досифей сыграл важную роль в отправке Николая Спафария к русскому двору. Через архиерея Хрисанфа Нотару, своего будущего преемника, Досифей получил и перевод на греческий язык описания Спафарием восточных земель, Сибири и Китая (*Mihail Z. Nicolae le Spathaire Milesco... С. 77–92*). Как отметила исследовательница, московские власти никому не позволяли разведывать пути в Китай через русские территории. Не только восточная экзотика привлекала читателей в «восточных» сочинениях Николая Спафария, но и практический интерес: в эпоху первопроходцев сведения о путях, ведущих на Восток, имели и военное, и торговое значение. Но и это не все: в Китай уже проникли враги Патриарха Досифея — иезуиты, начавшие там миссионерскую деятельность. Изучение связей Патриарха с Николаем Спафарием, несомненно, позволит в дальнейшем пролить свет на присутствие последнего в Москве и на те задачи, которые ставили перед ним и энергичный Иерусалимский первосвященник, и русское правительство. Именно эти задачи, очевидно, определяли идейную направленность сочинений Николая Спафария.

Важная роль придается в настоящее время уточнению каталога сохранившихся рукописных сочинений Николая Спафария и его переводов (опубликованного О. А. Белобровой в 1991 г.), изучению автографов Спафария, выявление книг из библиотеки ученого, в настоящее время разрозненных и находящихся в разных собраниях (М. Драгомир, З. Михаил). Большой заслугой З. Михаил является публикация образцов почерков как некоторых переписчиков его сочинений, так и его самого, в числе которых известные и публиковавшиеся ранее (О. А. Белобровой) и до сих пор не воспроизводившиеся (в том числе автограф из рукописи Румынской Академии наук: VAR, gr. 580, p. 332). Особенно важны для дальнейших разысканий автографов Спафария 4 листа, вшитые в кодекс Бодлеанской библиотеки — Bodley, Or. 481, fol. 112rv — 109rv (а не fol. 113r — 109r, как указала З. Михаил). На этих листах Николай Спафарий записал для англиканского пастора Томаса Смита тексты молитв на греческом, церковнославянском и румынском языках.

З. Михаил публикует фотовоспроизведения этого интереснейшего текста, но, увы, изданные ею греческие отрывки пестрят ошибочными чтениями букв, не говоря уже о надстрочных знаках. Порой ошибки появляются даже там, где, казалось бы, все очевидно: например, в обозначениях букв славянского алфавита (не ѱ, а ѱ̣, «и», л. 112v); ΣτqodТхου, а не ὀρθοδόξου в Символе веры, л. 112r; в Господней молитве на церковнославянском языке, переданной греческими буквами: не «δάξι-», а «δάξιτ»: «даждь нам днесь» (при этом любопытно откомментировать попытку Николая Спафария указывать мягкость согласных при помощи иоты); не «ιάκοζια», а «ιάκοζιε» («якоже»); Μαρία, а не Μαρια; не «καὶ ἀναγινώσκεται οὕτως ἴ», а «καὶ ἀναγινώσκεται οὕτωςιν», л. 110v (sic); не «αὐτε ἡ... δὴ ἀλεκτος... ῥέμα», а «αὐτη ἡ... διὰλεκτος... ῥήμασιν», fol. 109r; не говоря уже о совсем непонятных ошибочных написаниях слов и надстрочных знаков при передаче аккуратным почерком написанного по-гречески Трисвятого (с. 28, сравн.: ил. с. 37)¹⁰. Возможно, впоследствии придется внимательно сверить и греческие транскрипции румынских текстов, ведь З. Михаил опирается на них, делая наблюдения относительно фонетики румынского языка.

Одну строку, которую З. Михаил не удалось разобрать, оказалось возможно прочитать в рукописи. Перед греческим текстом молитвы Пресвятой Троицы (fol. 110r), дополненной церковнославянским вариантом, произношение которого разъяснено еще и в греческой транскрипции Т. Смитом (что выясняется при сравнении пометы с его записями на л. i–iv) добавлено: «Oratio quem utuntur quotidiem» («Молитва, которую произносят ежедневно»). Текст дописан теми же чернилами, видимо, в процессе совместных занятий двух замечательных ученых иностранными языками. Записи из этого кодекса представляют собой любопытное свидетельство о круге общения Николая Спафария в Константинополе: Т. Смит, ученый-ориенталист, был и первым биографом самого известного на Западе Константинопольского Патриарха Кирилла Лукариса.

Высказанные предположения, замечания, новые наблюдения относительно рукописей и персонажей, упомянутых в рецензируемых книгах, не умаляют значимости публикаций, напротив, свидетельствуют об их важности для дальнейшего изучения поднятых вопросов или только намеченных проблем. Сборник статей по материалам конференций о Николае Спафарии и книгопечатании в румынских землях и книга З. Михаил свидетельствуют об огромном влиянии духовной культуры румынских государств и на христианском Востоке, и в России. Это влияние нуждается, безусловно, в изучении совместными усилиями специалистов разных стран на основе обращения к рукописным и библиотечным собраниям.

*В. Г. Ченцова, кандидат исторических наук
(Институт всеобщей истории РАН)*

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Бакрадзе Д.* Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре: С атласом. СПб., 1878. С. 4–8.
- ² РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1714 г., д. 2, л. 1–3 об. См.: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел: Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1. М., 2001. С. 258.
- ³ Посетив в 1712–1713 гг. Голландию, Михаил Степанов, очевидно в 1714 г., направлялся обратно к царю Вахтангу, который как раз вернулся из Исфахана в Тбилиси (*Impact de l'imprimerie...* С. 28). Михаил Стефанович вез с собой сделанные в Голландии Миклошем Кишем грузинский и греческий шрифты (Там же. С. 36).
- ⁴ Имеется в виду имеретинский царь Арчил, живший в России с 1683 г.
- ⁵ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1712 г., д. 16, л. 9–10.
- ⁶ Там же, 1655 г., д. 22, л. 1, 40; 1657 г., д. 2, л. 18; 1656 г., д. 14, л. 1–2 (Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Т. 2. М., 1968. С. 371).
- ⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1, 1655 г., д. 22, л. 38, 40.
- ⁸ Там же, 1655 г., д. 22, л. 50.
- ⁹ Стоит также отметить, что в отечественных архивных фондах имеются дополнительные известия о первых попытках организации книгопечатания на арабском языке в Алеппо: Афанасий Даббас в нескольких грамотах обращался к Петру I и его ближайшим сподвижникам с просьбами о материальной помощи для типографии, издающей книги на арабском языке (РГАДА, ф. 52, оп. 2, № 719 (декабрь 1706 г.); оп. 1, 1707 г., д. 19, л. 1 об.— 3 об.; 1707 г., д. 25, л. 1–3 об. (автограф Патриарха Афанасия); 1709 г., д. 12, л. 1–29; 1714 г., д. 13, л. 1–9 об.; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 244, 245, 249, 259; *Морозов Д. А.* Арабское Евангелие Даниила Апостола: (К истории первой арабской типографии на Востоке) // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 193–203; *он же.* Вифлеемский экземпляр арабского Евангелия Даниила Апостола // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 645–651).
- ¹⁰ Из личной беседы с З. Михаил и ее коллегами выяснилось, что появившиеся в книге о Николае Спафарии неверные воспроизведения греческого текста произошли, увы, по вине издательства.